

ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ

Рис. А. Сколозубова.

«...Прошу оформить меня на работу учеником слесаря-сборщика. 17.2.72.

Б. Сорокин».

«...Прошу уволить меня по собственному желанию: 11.4.73.

Б. Сорокин».

«...Прошу мое заявление от 11.4.73 считать недействительным. 12.4.73.

Б. Сорокин».

Обычно Сорокин выходил из дома рано утром, когда за водосточными трубами еще прятались сумерки, первые окна загорались на темнеющих мрачноватых фасадах, а плоские лужи с натугой отражали их огни.

Он поднимал воротник плаща и быстро шел к остановке. Три минуты ожидания под ветками сквера, и вот из-за поворота, качнувшись, выезжает трамвай.

Среди утренних пассажиров большинство мужчин. Их лица кажутся хмурыми и сосредоточенными, руки глубоко засунуты в карманы, одежда пахнет растаявшим снегом.

Странное волнение испытывал Борис Сорокин каждый раз, оказавшись в молчаливой тесноте среди мужчин, как будто слегка осунувшихся после первой за день утренней сигареты.

Трамвай, позвякивая, вез его до кольца, а потом Борис шел в толпе к заводским воротам, и ощущение собственной значительности в этот момент давно уже стало для него чем-то вроде ежедневной психологической гимнастики...

Сейчас улица, ведущая к заводу, была пустынной, и Сорокин, кажется, впервые увидел по краям ее серые заборы, обесцвеченную траву, прозрачные деревья, увешанные объявлениями ворота трамвайного парка.

В проходной около металлического турникета он увидел Зину Яковлеву, вахтершу. Работникам заводской охраны полагалось солдатское хлопчатобумажное обмундирование, но молодые женщины таинственным образом перекраивали его, что-то незаметно укорачивали, подшивали, регулировали, и в конце концов стандартная униформа выглядела как модная обновка.

Год назад Зина Яковлева слегка прославилась, задержав на вахте шофера, который хотел вывезти под сиденьем краденый фотоаппарат.

После этого было собрание. Шофер Коровин сидел на видном месте под вымпелом с надписью «За успехи в соцсоревновании» и кусал носовой платок. Он зачем-то приделался и нацепил спортивные значки.

— Да, у нас есть, что украсть, — говорил председатель товарищеского суда, — а значит, надо быть бдительным вдвойне.

Борис тогда счел своим долгом вступить за Коровина. Не то, чтобы друзья, но раза два в шашки играли, обедали за одним столом в буфете..

— Коровин уже исправился, ей-богу, — заявил Борис, — видите, как он переживает?..

— Ого! — расхохотался тогда инженер Крутько. — Человек еще и украсть-то как следует не успел, и тут же исправился. Представляю себе, как изумил бы Ушинского такой педагогический феномен!

Долго еще над Борисом посмеивались в цехе. Ему даже казалось, что сам Коровин, переведенный в такелажники, глядит на него с усмешкой...

— Привет, — сказал Сорокин Зине Яковлевой, доставая пропуск.

— Ты что, с обеда?

— Нет.

— Прогулял, значит?

Борис усмехнулся.

— Можешь, Яковлева, бдительность свою временно ослабить. Увольняюсь я. За обходным пришел.

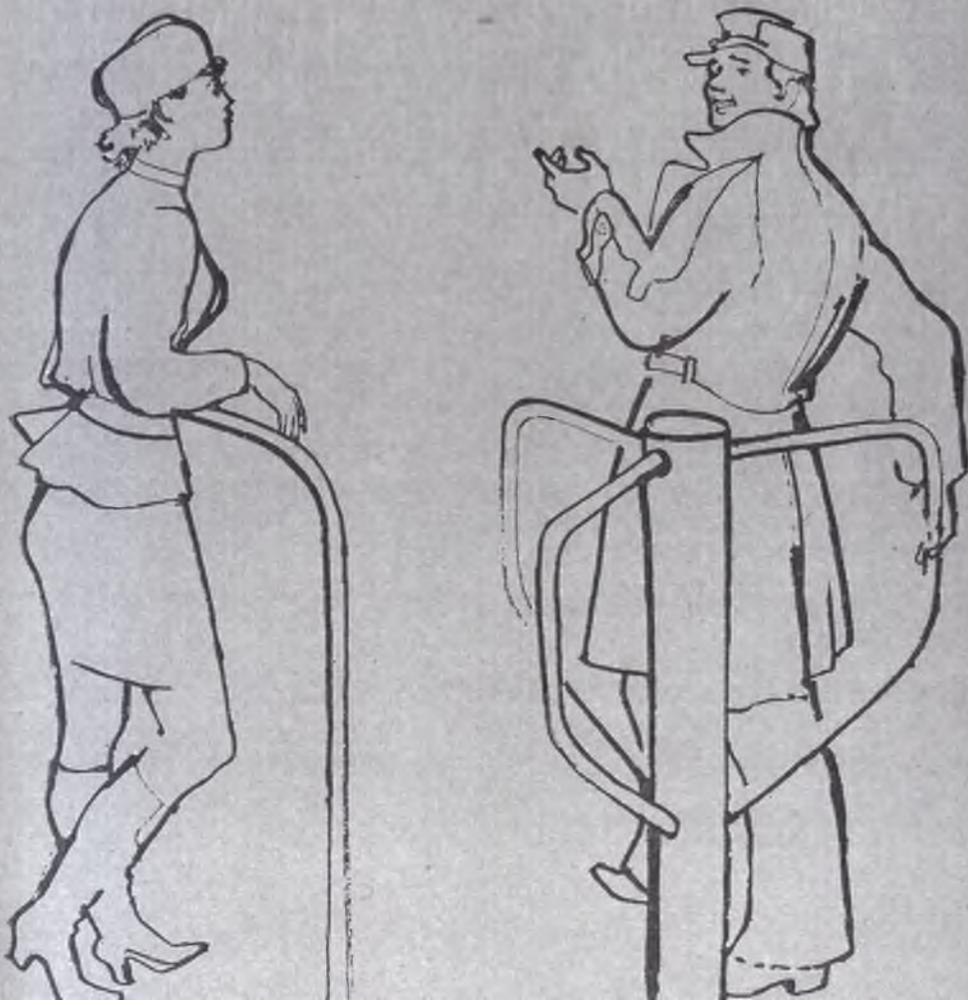
— А чего?

— Да так. Слышала такую песню: «А я еду, а я еду за туманом...»?

— Геологом, что ли, станешь?

— Не обязательно. В загранку, может, пойду или, например, плоты гонять. Мало ли работы...

Зина с сомнением поглядела на него, но в этот момент ее вызвали к телефону.

Борис свернул к заводууправлению.

«Целый год собирался ее в кино пригласить, — думал он, — но как-то не выходило, а теперь уже поздно...»

Перед дверью с табличкой «Зам. генерального директора по кадрам» собираются люди. Два раза в неделю В. П. Жуков беседует с теми, кто решил покинуть фирму. Вот она — текучесть кадров: недовольные лица, претензии, жалобы, иногда грубость. И с каждым надо работать ин-ди-ви-ду-аль-но. Заводские социологи толстую книгу написали, там все научно обобщено. На бумаге. А почему, например, Лавочкин увольняется, или этот, как его, Борька Сорокин? Платили мальчишке чуть ли не двести рублей, работа интересная, завод, каких мало в Союзе, а он уходит собрался. Сам Рокфеллер побывал на фирме и в книге оставил запись: «Я хотел бы работать здесь простым инженером». Рокфеллеру, значит, нравится, а Борьке не нравится...

«Ну и должность у меня, — вдруг подумал Жуков, — то есть это, конечно, приятно, большой начальник, в кабинете хоть баскетбольные кольца вешай, чернильница величиной с Исаакиевский собор... Плюнул бы на все и пошел вместо Борьки Сорокина в цех. Платили бы не меньше, и в галстук не обязательно ходить. Всю жизнь „Памир“ курил, а теперь жена говорит — не солидно. А „Лайка“ сырая и набита слишком туго. Начнешь разминать — лопается, табак сыплется на брюки...»

На широком полированном столе — пачка заявлений. Формулировка одна: «Прошу уволить меня по собственному желанию». Что стоит за этим невыразительным трафаретом? Обида? Неудовлетворенность? Каприз? Вынужденное решение?

Виктор Павлович снова и снова перелистывает страницы. Вот размашистый дерзкий почерк с кокетливыми завитушками, а вот — буквы в нерешительности топчутся на месте, спотыкаются, как будто автор колебался, думал, и опять — твердыми печатными буквами все та же, одна-единственная формулировка: «Прошу уволить меня по собственному желанию».

Виктор Павлович нажимает кнопку и говорит в микрофон:

— Сорокина ко мне, пожалуйста.

Борис заходит в кабинет, садится у двери.

— Иди сюда, поближе. Значит, расстаемся мы с тобой?

Голос звучит ровно, без интонаций.

«Не поймешь, — думает Сорокин, — то ли недоволен человек, то ли радуется. Хлопнет сейчас кулаком по столу и скажет: „Ну и дрянь же ты, парень. Мы тебя учили, денег извели уйму, одного инструмента поломал рублей на сто, а теперь специальность освоил и привет?“»

— Почему увольняешься? Причина есть? Работа не нравится?

— Нет, работа интересная.

— Люди плохие в бригаде? Обижают тебя, сироту?

— Нет, что вы, народ подходящий.

— Денег мало? На «Фиат» не хватает?

— И платят нормально.

— Тогда какого же черта... С жильем у тебя как?

— Две комнаты у нас с матерью и братом.

— А ты, значит, хотел бы жить в Эрмитаже?

— Да все нормально с жильем. Только надоело, — вдруг произносит Борис, — надоело. Сидишь на одном месте. Хочется мир увидеть, в загранку пойти, с геологами... или, там, рыбу ловить... Слышали такую песню: «А я еду, а я еду за туманом...» Это про меня.

— Ясно. Денег хватает, работа нравится, жильем обеспечен, туману ему подавай. В голове у тебя туман, Сорокин, не обижайся на старика.

Виктор Павлович берет со стола трудовую книжку Сорокина.

— Знаешь, что бы я делал с такими, как ты, будь моя воля? А вот что. Ушел с предприятия — понизить разряд, снова ударился в бега — еще один разряд долой. Откуда у тебя, спрашивается, четвертый разряд и какой ты,

к черту, слесарь?! Путешественник ты. Магеллан! В общем, ладно, решил уходить — получай «бегунок».

«Что я такого сделал, — думает Борис Сорокин, — поступил на работу, честно трудился, а теперь у меня другие планы. Чего он от меня хочет? Может быть, я пил или прогуливал? Ведь нет же».

— Хорошо, — Виктор Павлович встает, давая понять, что разговор подходит к концу. — То есть хорошего, в общем-то, мало. Прямо говорю, Сорокин, мы в тебе нуждаемся. Нуждаемся, но не очень. Не настолько, чтобы я перед тобой на колени упал. Станочники, например, куда больший дефицит для нас. Ну, прощай, — заканчивает он, не подавая руки.

В кабинет уже входит бойкая подкрашенная девица из БТЗ. Борис спускается по лестнице.

«Ну и ладно, — думает он, — неприятный разговор окончен. Я работал честно, прогулов, замечаний не имел. Что меня удерживает? Работа? Интересное дело всюду найдется. Хороших людей везде навалом...»

Борис покинул заводууправление, обогнул энергетическую станцию, прошел мимо распахнутых дверей столярного цеха, вдыхая чистый запах опилок.

Двое рабочих курили, сидя на досках возле склада с химикатами. В воздухе холодновато пахло аммиаком.

— Жить надоело? Але! — крикнул им Сорокин. Оба нехотя встали, потушив сигареты.

Возле подвального окна стояла ручная тележка с туго набитыми полиэтиленовыми мешками. Заводской садовник Ядов с натугой выгружал их, прижимая к животу. На нем была сияя байковая фуфайка, коленкоровый передник и сапоги с подвернутыми голенищами. Как-то заводская многотиражка напечатала о Ядове статью под названием «Одержимый красотой». Видно, Ядов знал свое дело. Каждую весну на газонах вспыхивали маки и настурции, алел шиповник, а возле литейного цеха даже подсолнухи росли.

Он разбил на территории несколько маленьких скверов с яркими клумбами по углам и стриженными английскими кустиками. Вдоль цеховых стен были расположены продолговатые ящики с землей, оттуда вверх тянулись побеги декоративного плюща. С наступлением холодов садовник заботливо укрывал клумбы прозрачной синтетической тканью.

С утра до вечера Ядов ходил по двору с лопатой, а иногда садился на корточки, разгребая землю руками. Зимой и летом он носил байковую куртку, вишневого цвета шарф и коленкоровый фартук.

Как-то раз начальник пожарной охраны проводил учения. Рослые дяди в касках волокли извивающийся шланг. Двое пробежали по газону в тяжелых сапогах. Ядов что-то записал в книжечку и отправился к директору. Через пять минут туда вызвали начальника пожарной охраны. Садовник сдержанно потребовал, чтобы тот уволил двоих подчиненных.

— Эти люди безнадежны, — холодно и твердо произнес Ядов, — они потеряны для созидания.

— Ну, а если пожар?!

Голос Ядова звучал спокойно и глухо:

— Все необходимые кратчайшие магистрали во дворе завода покрыты асфальтом. Зеленые массивы неприкосновенны.

Пожарник начал багроветь, потом он стукнул кулаком по столу:

— Это из-за каких-то паршивых незабудок, из-за каких-то, едри их в корень, одуванчиков?!

Тогда Ядов потребовал, чтобы уволили и его.

Директор с трудом помирил их.

— Здрасьте, Георгий Мстиславович! — крикнул Сорокин, вырывая у Ядова мешок с удобрением. — Все трудитесь?! Превращаете нашу планету в цветущий сад?

— Да, в это время дня я работаю, — ответил садовник.

— Я слышал, главный технолог вам целый чемодан рассады привез.

— Это не рассада, — поморщился садовник, — вы имеете в виду луковичи тюльпанов особого сорта. Да, Игорь Владимирович оказался настолько любезен, что не забыл мою просьбу.

— Вам бы художником быть, — сказал Борис, — такую красоту развели.

— Художником, — задумался Ядов. — Самая изысканная живопись мертва, а цветы... Кончится зима, и я высажу розы, — он воодушевился, — древние эллины в праздничные дни украшали гирляндами роз свои жилища. Розами венчали победителей, розами убирали новобрачных, розами осыпали покойников и надгробные камни. Роза — символ близости и доверия. Когда я был гимназистом, у нас бытовало латинское выражение: «Я это говорю тебе под розой», — то есть, по секрету, между нами. Розы — это чудо, но в нашем климате с ними так много возни.

— Георгий Мстиславович, — Борис тронул садовника за рукав, — вы мне скажите, ну хорошо, вот так каждый день с ножницами и тяпкой, ежедневно с утра до вечера, всю жизнь?... Неужели вы не мечтаете, например...

— Мечты — удел юности, — перебил его старик, — но у меня есть мечта. Я хотел бы вывести черную розу. «Я послал тебе черную розу в бокале...», помните? Блок преувеличил. Экземпляров такого цвета, который физики сочли бы черным, пока не существует. Голубых и синих роз тоже нет в природе. Гете пытался выращивать розы в теплицах с голубыми стеклами. Это придает им голубоватый оттенок, но истинно голубой розы пока никто не вырастил. Зеленые — пожалуйста. Они привлекают ботаников, но мало интересны для садоводов. Я, кажется, задерживаю вас?

— Нет, — махнул рукой Сорокин, — время у меня есть.

— Вот увидите, что здесь будет твориться летом. Лето — вот о чем я мечтаю.

— Летом меня тут не будет, — сказал Борис.

Он быстро выгрузил мешки и зашагал по делам.

Узкий коридор кажется просторным оттого, что с двух сторон возвышаются до самого потолка стеклянные переборки. Чистые стекла почти невидимы.

За стеклами — голубинный шелест страниц, на столах — продолговатые фанерные ящики, набитые карточками, мерно гудит вентилятор, лопасти его слились в ровный мерцающий круг, иногда раздается щелчок арифмометра.

— Добрый день, — сказал Борис, — мне надо обходной подписать.

Немолодая полная женщина с красивой прической взяла у него голубоватый бланк.

— Так, — протянула она, — насколько мне известно, исполнительного листа на тебя не поступало, и, вообще, ты человек холостой.

— Откуда вы знаете?

— Наши девушки такие вещи раньше всех узнают... Страховка?

— Нет. Да и зачем это?

— Ну конечно, в твоем возрасте человек убежден, что с ним ничего не может случиться. И дай-то бог... Минуточку... Тут за тобой числится...

Сорокин покраснел.

— Я ссуду брал два месяца назад.

— Сколько?

— Двести. Семьдесят я вернул, там должно быть записано. Осталось сто тридцать. Но в трудовом законодательстве есть положение, — торопливо заговорил Борис, — в общем, ссуда не может быть причиной... то есть меня все равно должны уволить, только надо составить договор, и я все верну, вот увидите...

— Я тебе верю и без договора. Разве что данные перепишу. Паспорт у тебя с собой?

— Естественно.

Два месяца назад Сорокину понадобились деньги, триста рублей. Квадратная табличка с этой цифрой стояла на витрине магазина «Динамо» около переднего колеса внушительного серо-голубого МИК-427...

... У каждого человека есть мечта, большая или маленькая. Один мечтает совершить кругосветное путешествие или доказать теорему Ферма, у другого мечты более посредственные — второй разряд по боксу, автограф Майи Кристалинской и так далее. Попадают люди, у которых мечта огромная, но какая-то неубедительная: съездеть, например, в одиночку шоколадно-вафельный торт за два двадцать.

Была мечта и у Сорокина, не очень большая, но и не маленькая, два метра длины, грузоподъемность — триста килограммов, максимальная скорость — сто восемьдесят километров в час, объем цилиндра...

— Вот куплю мотоцикл и буду жить по-человечески, — говорил он соседу по квартире, молодому филологу.

Сосед возражал:

— Жизнь надо не преодолевать, но осваивать, — значительно произносил он, — ты был мальчишкой, а потом стал юношей, и некоторые проблемы детства перестали для тебя существовать, но не потому, что ты их разрешил, а просто на смену одному этапу жизни пришел другой со своими проблемами. В десять лет ты страдал потому, что хулиган Мурашка отнимает у тебя бутерброды. Ты выучился боксу и в шестнадцать лет расквасил Мурашку нос, но к этому времени ты уже мучился оттого, что Эмма Бриттерман предпочла тебе студента-геофизика, у которого был мотороллер «Вятка». Даже если ты купишь автомобиль, тебе не избежать новых проблем, которые в свою очередь...

— Что же ты предлагаешь? — спрашивал Борис.

— Работать надо, — с неожиданной простотой отвечал сосед, — работа — это единственное, что приносит удовлетворение. Научись работать, и ты научишься быть счастливым.

И он уходил в свою комнату, откуда тотчас же раздавался стук пишущей машинки...

Борис вспоминает, как он вел за рога новенький мотоцикл, как завидовали ему все парни во дворе, и каждый старался хлопнуть необъезженного скакуна по гладкому лоснящемуся крупу.

Мотоцикл и сейчас ему верно служит, даже раны у них общие. У того разбита фара, у Сорокина — голень, у того на баке вмятина, а у Бориса шрам над бровью...

— Все в порядке, — сказала женщина с красивой прической, — ссуду будешь погашать равными долями, в твоём распоряжении четыре месяца...

— Я все верну.

— Не сомневаюсь. Заходи. А почему ты, собственно, уволиться решил?

— Так, личные причины, — неопределенно высказался Борис и тут же рассердился на себя: «Я ведь не прогульщик, не лентяй. Чего мне скрывать? Хочу переменить обстановку, увидеть мир. Зачем же я веду себя, как мошенник, который явился в милицию с повинной?..»

— Мне хочется побывать в Никарагуа, — внезапно произнес Борис с оттенком торжественной угрозы.

Женщина не удивилась.

— Ясно, — со вздохом сказала она.

— Это мое личное дело, — нагрубил Сорокин.
— Я понимаю, — женщина взглянула на него, как-то заметно поскучнела, вернула паспорт и начала перебирать карточки.
— Я тебя не задерживаю, — сказала она.

Сорокин предъявил Зине Яковлевой обходной листок вместо пропуска. На специальной бетонированной площадке за воротами паслись автомобили. Старенькая «Эмка» выделялась среди других машин, как цилиндр среди кепок и беретов.

Сорокин шел по дорожке вдоль футбольного поля с четкими белыми линиями. Загорелые парни гоняли мяч. Около полосатой штанги стояла бутылка с молоком.

— Боб, раздевайся, — крикнул Сорокину Виталий Репецкий, — тут Мишаню подковали!

Нормировщик Маркович сидел на бугорке, изучая распухшую ступню.

— Не могу, дела у меня, — сказал Борис.

Но Виталий уже не глядел в его сторону. Он мчался к воротам и, надсаживаясь, орал:

— Лева, сам! Лева, делай! Лева, — на меня! Эх, Лева, старая кастрюля!

Сорокин помнил, как они весной играли с метростроевцами, и он томился на скамье запасных, а потом Зорик Хедоян обругал судью на родном армянском языке, но судья неожиданно понял и удалил Хедояна, и тогда Борис Сорокин вышел левым полусредним и за две минуты до свистка въехал с мячом в ворота, после чего тренер Лобанов сказал ему: «Боб, ты гигант!», — а он, Сорокин, размазывал грязь по лицу и думал о том, что нет на свете ничего прекраснее, чем ~~з~~т так, на глазах ревущей публики въехать с мячом в чужие ворота, а через две минуты идти к трибунам, скромно потирая ушибленный локоть, как будто ты не герой, не кумир, не национальная гордость, не «наш русский Пеле», а застенчивый и немногословный мастер своего дела Б. А. Сорокин, для которого забить решающий гол — обычное явление.

В коридоре было прохладно. Из душа выходили, помахивая спортивными чемоданчиками, тощие баскетболисты. Сорокин знал, что у каждого из них приклеена с внутренней стороны крышки фотография одной из кинозвезд. Таким образом спортсмен выражает уровень своих посягательств, не говоря уж о том, что кинозвезды с незапамятных времен покровительствуют спорту.

У Бориса Сорокина тоже был чемоданчик с портретом Элеоноры Росси-Драго. Когда он переодевался, звезда взволнованно глядела на него.

Кладовщица в зеленом ватнике, облокотившись на дубовый барьер, пила чай из термоса. В глубине кладовой пестрели связки разноцветных маек, напластования трусов, коробки с инвентарем.

— Вот, — сказал Борис и добавил, — приятного аппетита.

Кладовщица неохотно поднялась, долго листала измятую книгу.

— Ничего за мной не числится, — сказал Борис, — я все сдал, можете убедиться.

— Держи, — сказала она.

Подпись ее в обходном листе напоминала иероглиф.

Из зала тяжелой атлетики слышался грохот дисков о помост. Через приоткрытую дверь был виден огромный молочно-розовый человек на весах. Нагнувшись, он осторожно трогал металлическую планку.

В гимнастическом зале было пусто. Только на перекладине висел чей-то клетчатый пиджак.

Потом Сорокин зашел в раздевалку.

— Мыло есть? — спросил его Игорь Бутырин с механического участка. На радиаторе парового отопления сушились эластичные бинты.

— Да нет, я по делу зашел.

— Тогда дай закурить.

Борис протянул ему «Шипку».

— Вода чуть теплая, — сказал Бутырин, — кочегары совсем обнаглели.

— Я мыться не буду. Дело тут у меня...

— Через неделю матч со студентами, — напомнил Бутырин.

— Вы уж как-нибудь без меня.

— Не понимаю?!

— Я уволиться решил.

— Ну, ты даешь! И куда потом, если не секрет?

— Так. Может, в экспедицию поеду...

— Ну, это ты брось, — зашумел Бутырин, — у нас же нет «мухача». Котельников идиотскую травму получил. У него чайник кипел на плите, а из горлышка, значит, шел пар. Котельников стоял, стоял, мечтал о чем-то, а потом — раз, и пальцем заткнул это дело. Ожог, воспаление, температура, доктор говорит — лежать. Псих Котельников, верно? Теперь одна надежда на тебя.

— Не знаю, старик...

— Ты, слушай, не темни. Увольняешься — это твое дело. Хотя не советую. Такую спортивную базу, как у нас, ты вряд ли где найдешь. А во вторник приходи на тренировку. И ешь поменьше. Кефир, лимон, морковь... Выступить надо. Иначе нам баранка обеспечена.

— Я даже не знаю, — сказал Борис, но Игорь уже не слушал его, кинул свернутый бинт в чемоданчик, туда же закинул перчатки и направился к выходу со словами:

— До вторника. Чао!

Сорокин помнил, как он впервые явился на тренировку в зал бокса. Пахло канифолью и мокрой кожей, на шершавых канатах висели перчатки, раздавался дробный стук пневматической «груши» и мощный бас тренера Аршакуни:

— Работай на отходах, сынок, справа на отходах! Шаг назад и четко — в голову! Это шаг назад? Это книксен, а не шаг назад! Прекратите это адажио! Будем разучивать по элементам. Вадим, тащи сюда «лапы»!

Хронометр болтается у Аршакуни на груди, волосы падают на глаза, подбородок из гранита, нос сломан, короче — он неотразим...

— Новенький? — спрашивает тренер. — Можешь что-нибудь или прямо из банки со спиртом?

За плечами у Сорокина два года нерегулярных тренировок, семь официальных боев и один нокаут на спартакиаде школьников.

Тренер держит его на «лапах», одобрительно кивает, затем — неожиданный удар ребром тяжелой «лапы» в подбородок и возглас: «Плечо!»

Он протягивает Борису спичечный коробок. Тот прижимает его плечом к подбородку, и снова — удар и возглас: «Живот!»

Через пять минут Аршакуни забирает у Сорокина коробок, нагретый и влажный.

— Не худо, — говорит он, — фактура подходящая, резкий удар слева, и я бы даже сказал, какой-то минимум реакции. Поработай с Гофманом. Ты наступаешь, он в обороне. Гофман, не заводись!..

Потом были матчи с водниками и с академией Фрунзе, жуткий разгром на заводе ВЭФ и триумф в Каунасе...

Сорокин — в красном углу, руки в тяжелых перчатках лежат на канатах, тренер обтирает ему полотенцем лицо и плечи:

— Все идет нормально, сынок. Ты выиграл раунд. Это не боксер, это

робот. Один шуруп выйдет из строя, и все превратится в груды металлического лома. Ты нашел верный ход — двойные слева. Так и действуй, набирай очки. И еще, береги живот!..

Сорокин направился к двери.

«Во вторник загляну, — подумал он, — если будет время...»

В библиотеке тишина. Здесь разговаривают шепотом. Вдоль стен шкафы, между ними — портреты бородатых, строгих классиков. На столах — журналы и газеты. Несколько человек тихо бродят между стеллажами.

За деревянным барьером, отполированным локтями, сидит Валентина Петровна, главная заводская красавица. Даже очки ей к лицу. Многие девушки стараются ей подражать, шьют себе узкие темные платья, гладко зачесывают волосы и так же близоруко шурятся.

Сорокин тихо поздоровался, вытащил «бегунок».

— Увольняетесь, — ахнула Валентина Петровна, — в институт поступаете?

— То есть пока еще неопределенно, — сказал Борис, — я еще не решил. Может быть, стану матросом или геологом...

— Ну что же, — Валентина Петровна строго посмотрела на него, — это замечательные профессии. И все-таки жаль, ведь у нас была намечена такая широкая программа.

...Год назад Сорокин впервые пришел в заводскую библиотеку.

— Что вас интересует?

— Не знаю, про шпионов или фантастика какая-нибудь...

— А что, если я предложу вам это? — Валентина Петровна достала с полки книгу.

«Голубое и зеленое» — название показалось Борису странным. Он даже усмехнулся. Взял на всякий случай в придачу «Ошибку резидента», попрощался и ушел.

Сначала книга не понравилась Сорокину. В ней решительно ничего не происходило. Люди мирно беседовали, ходили на работу. Слишком уж все это

было похоже на обычную жизнь с ее нормальными заботами, без выстрелов, без автомобильных гонок, без диверсантов, рома и марсиан.

Но вот он прочитал такую фразу. Ничего особенного: «Корнеев затынулся и бросил сигарету. Огонек еще долго розовел на снегу».

И вдруг Борис ясно ощутил сухой морозный день без ветра, увидел голубоватый наст и мутные фонари над тротуаром. А ведь было лето — распахнутые окна, полотняные тенты, запах бензина и шум листвы в соседнем сквере. Но все равно: «Огонек еще долго розовел на снегу». И Борис явственно слышал, как взвизгивает снег под ногами прохожих в сухой февральский день.

— Вы прочитали «Хождение по мукам»? Вам понравилось? — Валентина Петровна раскрыла читательский билет Сорокина.

— Не успел, знаете... Нравится, конечно, но не успел...

— Но в таком случае я не приму у вас книгу. Обходной листок подпишу, а роман занесете потом.

— Я возьму в районной библиотеке.

— Мне хотелось бы услышать ваше мнение.

Борис сунул книгу обратно в портфель.

— Я приду во вторник.

— Минутку. Почему же вы все-таки решили уволиться? — Валентина

Петровна задала вопрос неуверенно, как будто вмешивалась в чужое дело.

И Сорокин заговорил:

— Вот я брал у вас книги, и там, значит, биографии писателей, Куприна, например, так он и в цирке выступал и путешествовал, а Хемингуэй, тот вообще...

Валентина Петровна едва заметно улыбнулась, но тотчас же ее лицо стало серьезным и внимательным.

— Вы хотите писать?

— Что вы, — Борис в испуге замахал руками, — куда уж мне!

— Видите ли, художник бессознательно стремится к переживаниям, ему необходимы разнообразные импульсы, которые он реализует потом на бумаге или на холсте. Трудно судить, может быть, вы стали бы хорошим писателем, но ведь большинство из нас обыкновенные люди, благородные, чистые, трудолюбивые. Им не выпало чести прославить свою родину, но они ее создали, они ее любят и защищают. И все-таки это обыкновенные люди, такие, как вы и я. Нужно много мужества, чтобы это признать, честно работать, любить и быть счастливым...

К их разговору стали прислушиваться.

— Я зайду, — сказал Борис, — во вторник...

— Приходите утром, будет меньше народу.

— Четвертый номер «Звезды» получили? — спрашивал Валентину Петровну коренастый мужчина в телогрейке...

В цехе правильными рядами стоят верстаки. Мерцают и потрескивают люминесцентные лампы. На полу горки темной алюминиевой пыли.

Над верстаками склонились люди. Русые, темные головы, кудри и ежики, две-три блестящие лысины. В третьем ряду у батареи одиноко торчит спинка стула. Туда-то и направляется Борис.

— Здорово!

— Привет!

— Мое почтение!

— Как дела, Сорока?

— Уходишь?

— Что, заявление подал?!

— Ребята, нет ли метчика на сдачу?

— Найдем.

— Держи.

— Постой, у тебя новый халат. Давай его сюда.

— Значит, все-таки уходишь? Твердо решил?

— Да вот, «бегунок» на руках.

— Зря. Жалеть будешь.

— Сам разберется. Не маленький.

— И куда ты теперь? Учиться?

— В загранку думаю пойти.

— Ну, это когда еще визу откроют...

— Старик, послушай меня. Калым на этом не сделаешь. Раньше кое-кто моряков тряпки вез на продажу, а сейчас в магазинах всего навалом.

1 таможенники умные пошли...

— Я и не думаю об этом...

— И правильно, не слушай их, Сорока. Я б от тещи побег не знай куда...

— Плавают же люди и ничего...

- Не приставайте к человеку, у него своя голова на плечах...
- Борька, ты мне джинсы привези.
- Желудок на корабле испортишь, это факт. Язва обеспечена, как минимум...
- Не болтай, у меня свояк двадцать лет проплавал, а жрать до чего здоров!...
- Взрослый парень, сам решит...
- Молодым теперь завод не нравится, работа грязная. На гитаре играть — ихняя работа...
- Ты всех огулом не бери...
- Пристали к человеку...
- Кончай баланду, мастер на горизонте!

Сорокин хорошо помнил тот день, когда он впервые явился на завод. Старший инженер Калугин беседовал с ним не очень приветливо. Что ни говори, а все-таки ученики — обуза. Но через полчаса Борис узнал истинную причину его дурного настроения. «Комсомольский прожектор» начал борьбу с опозданиями, и Калугин сразу же попался. Вывесили «молнию» с ядовитой карикатурой и подписью: «Кто такой начальник? Это человек, который приходит на работу вовремя только в те дни, когда ты опаздываешь».

Калугин постоял около «молнии», закурил, ломая спички. Прожектористы ждали бури. Наконец он взял за рукав Радика Тихомирова и выговорил очень тихо, но так, что слышали все:

— А пузо для чего нарисовал? Для гадости? Где у меня пузо? Сотри!

Еще запомнилась Сорокину первая встреча с мастером цеха Александром Федотовичем. Мастер глуховат, потому что в молодости был кузнецом. Из-за этого разговаривает громко, и любое его замечание кажется окриком. Но вообще-то с ним надо поосторожней. Язык у Федотыча острый.

А вот худощавый и злобный на вид — бригадир Делюкин. Говорит мало, больше показывает. Раз десять покажет и смотрит, как у тебя у самого выходит. Если надо, снова покажет, но молча.

Глядя на Делюкина, можно подумать, что он бездельничает. Ходит по цеху и курит. Но успевает столько за полчаса, что другой и за целую смену не успеет. Да еще хронометр кому-нибудь починит, или телевизор в Красноуголке.

В один из первых дней Борис Сорокин и два практиканта запиливали какие-то ржавые блоки. Делюкин мрачно сообщил им об этом задании, а когда его спросили, зачем эти блоки нужны, сердито пожал плечами.

Норму ребятам дали шесть тысяч штук. Они и на обед не пошли, а сделали только две тысячи.

Делюкин несколько раз уходил куда-то ругаться, и с каждым разом мрачнел все больше. Наконец он сказал: «Бросайте к чертовой матери», — и отправился в заводоуправление.

Виноват был старший нормировщик, кстати, — ответственный за работу с подростками. Звали нормировщика Альбин Романович, но цеховые ребята быстро переименовали его в Анальгина.

Шло в цехе собрание, посвящали молодежь в слесари. Анальгин вручал дипломы. Каждому из «новорожденных» он давал короткую устную характеристику: «Ведет себя примерно, задания выполняет успешно, курит, бы плохим, стал хорошим...» А про Гену Кабалкина (тот всегда был хорошим как и подобает комсоргу участка) нормировщик сказал: «Его мы знаем пока только с хорошей стороны». Да еще, вручая подарки, Анальгин говорил: «Вот тебе, Кокорин, электробритва „Харьков“. Береги ее, она стоит двенадцать рублей восемьдесят копеек».

Или взять те же злополучные блоки. Неужели Анальгин, работая нормировщиком, не может понять, что носить их надо через весь цех, а больше десяти сразу не унесешь, и тележка не поможет, слишком уж цех загроможден.

В тот раз Борис молчал, Делюкин в одиночестве конфликтовал с Анальгином. Но через неделю, когда плотники халтурно отремонтировали стеллажи, Сорокин попросил у комсорга лист бумаги и написал в заводскую многотиражку. Журналисты обработали его материал, и получилась корреспонденция с веселым названием «Палки со свалки!»...

— Ну так что?.. До свидания, ребята!

Борис стоял между верстаками с перекинутым через руку грязным халатом Вальки Нефедова на сдачу...

— Пока.

— Будь здоров!

— Сообщай, как там пойдут дела.

— Держи нас в курсе.

— Уходишь все-таки? Подумай...

— У меня «бегунок» на руках.

— Его порвать недолго.

— Да я все подписи собрал, начальник цеха остался...

— Ты с ним беседовал?

— Ну. Если, говорит, чем недоволен, можно пойти навстречу.

— А чем ты недоволен?

— Да вроде бы ничем.

— Так и не валяй дурака!

— Не приставайте вы к человеку...

Борис Сорокин шел к заводским воротам один.

Обычно он двигался к проходной в толпе народа, рядом были люди, немного возбужденные, они закуривали друг у друга, шутили, о чем-то улавливались, иногда теснили Сорокина, и это было приятно...

Разные люди окружали его. Они могли говорить о заводе и о политике, о футболе и о женщинах, о кино и о выпивке, могли судить о вещах умно и глупо, целомудренно и пошло, но руки их все равно делали крепкие нужные вещи...

Обычно Сорокин шел к воротам в толпе, и ему нравилось чувствовать себя одним из многих. Он к этому привык. А теперь шел и думал:

«Ну вот, я уйду. Что меня держит? Чем это рабочее место лучше других? Ничего особенного, пришел, оформился, работал, получал замечания и благодарности, читал книги, занимался боксом, немного играл в футбол, хлопал артистам самодеятельности, произносил тосты на свадьбе у Вальки Нефедова... Но ведь все это будет и в другом месте. А может быть, что-то изменится? И не увижу я больше этих людей, того же Делюкина, не увижу этого футбольного поля с белыми линиями на выцветшей осенней траве, не увижу...»

Зина Яковлева опускала шлагбаум. Только что прошел грузовик с высоким кузовом. За воротами слышалось позвякивание трамвая.

Вдруг Борис остановился.

— Вот что, — сказал он Зине, принимая от смущения беспечный и вероятно легкомысленный вид, — тебе, Яковлева, надо кругозор расширять, духовно обогащаться. Короче говоря, пошли мороженое есть сегодня вечером, или куда хочешь...

— Расчет получил? — усмехнулась Зина.

— Думаю, — со значением ответил Борис и машинально смял в кармане «бегунок».

К воротам подкатил директорский «Москвич».

— Не уходи, — сказала Зина, — я сейчас вернусь. И она побежала к шлагбауму.

